

УДК 340.115

О. Н. Акрабова

ПРИНЦИП КОНКРЕТНОСТИ ИСТИНЫ В ПРИМЕНЕНИИ ПРАВА

*«Истинно ли мыслит человек
и истинно ли он поступает – вот главный вопрос философии...»
А. А. Ивакин*

Постановка проблемы. Общеизвестным, хотя и не общепризнанным, является мнение, что единственно верным методом философствования есть метод диалектический, который характеризуется системностью мышления. А. А. Ивакин, в статье «Вернуть диалектике ее истинное содержание» напоминает читателям о том, что «Диалектика мышления субъекта неотделима от диалектики объекта его спора-поиска. Более того, субъективная диалектика – это все лишь закономерный момент, часть беспредельной, неисчерпаемой Объективной Диалектики, в связи с чем «смысл подлинного человечества» состоит в следовании и служении последней...» [1, с. 6]. Таким образом, понимая диалектику как учение о тождестве противоположного, хотелось бы принять диалектический метод философствования в качестве способа выявления и разрешения противоречий, возникающих, в том числе, и в бытии права. Среди принципов диалектики важнейшим является принцип конкретности истины. Ссылаясь на мнение выдающихся философов, необходимо заметить, что истина всегда конкретна, абстрактной истины не существует. Соответственно, это суждение применимо и к философии права, которая в предмете своего изучения охватывает правоприменение как один из аспектов правовой реальности. На одном из занятий по римскому праву старейшине одесской юридической школы, профессору Илье Вениаминовичу Шерешевскому студентами был задан вопрос об истине и о возможности ее познания. В последовавшем незамедлительно ответе преподавателя проявилась реакция внимательного педагога и опытного юриста, на тот период адвоката с 60-летним стажем: «Если юристы понимают взаимосвязь и взаимозависимость статей законов и их исполняют, то относительная истина познается» [2, с. 95].

Главнейшей задачей философов права является поиск объективной истины в вопросе о сущности права и его бытии. Задача эта неосуществима без процесса познания, где наряду с получением истинных знаний в определенное время при определенных условиях субъект познания сталкивается с заблуждениями, то есть с неумышленными искажениями им действительности. Однако известно, что познание осуществляется через единство и борьбу двух противоположных понятий – истины и заблуждения.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых положено начало решения данной проблемы. Отметим, что наш философский анализ основывается на содержании работ В. Ф. Г. Гегеля, И. А. Ильина, С. С. Алексеева, Д. А. Керимова, В. С. Нерсесянца, В. П. Малахова, И. А. Ивакина, Л. Н. Сумароковой, А. С. Саинчина, М. С. Строговича, В. М. Костицкого, В. А. Бачинина, а также на

предоставленных нам работниками правоохранительных органов г. Одессы и Одесской области сведениях из их собственного опыта осуществления оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий по различным категориям уголовных производств.

Цель и задачи исследования. В данной статье мы ставим перед собой цель исследовать характер противоречия двух философских категорий «истина» и «заблуждение» в правовом регулировании, в частности в реализации и применении права. Известно, что критерием истины является практика. Но следует учитывать, что заблуждение зачастую приобретает статус практики. Не содержится ли в этом факте противоречия? Таким образом, перед нами стоит задача – исследовать проблему соотношения философских понятий «истина» и «заблуждение» и попробовать доказать, что на практике истина представляет собой диалектическое единство абсолютного и относительного, а если заблуждение проникает в практику, то это происходит лишь вследствие неразвитости самого познания. Учитывая практическую природу истины, заблуждение на практике, в частности и правоприменительной, будет находиться в диалектическом противоречии с относительной истиной.

Изложение основных положений. Проблема правореализации и правоприменения и, собственно, правового регулирования общественных отношений, на протяжении длительного времени интересовавшая философов и правоведов, остается актуальной до сих пор. Неоспоримым остается тот факт, что такие философские категории, как «истина» и «заблуждение», играют решающую роль в стремлении к достижению правопорядка, созданию правового государства и гражданского общества.

В своем исследовании обратимся также к принципу противоречия. По мнению В. А. Бачинина «Познавательная установка на отыскание противоречий... ставит философию права лицом к лицу с действительностью, заставляет воспринимать ее негативные, неправовые, криминальные формы не как случайные, несущественные вкрапления в социальную реальность, но как ее необходимые, неотъемлемые составляющие» [3, с. 62-63]. Опыт показывает, что противоречие – это, действительно, универсальная бытийная структура, которая присутствует во всех сферах бытия, в том числе и в содержании правовой реальности.

Таким образом, для решения поставленных перед нами целей обратимся к позитивному праву и рассмотрим роль категорий «истины» и «заблуждения» в правовом регулировании в одной из его стадий – правоприменении. Для более детального исследования данной проблемы, которая постоянно возникает перед философами-правоведами, выделим один из аспектов правового регулирования, а именно регулирование правоотношений, возникающих в процессе совершения субъектами-правонарушителями уголовно наказуемых деяний и привлечение их к уголовной ответственности.

Для начала определимся с сущностью понятия правовых отношений. Во все времена бытие человека характеризовалось наличием социальных отношений между индивидами. Люди обращались с просьбами друг к другу, устанавливали запреты, нарушали соглашения и порядок сосуществования в обществе. В древние времена такого рода конфликты разрешались по принципу «талиона», то есть путем уравнения наказания с причиненным ущербом. Например, уголовно-правовые

постановления Законов XII таблиц (римское право) предполагали такую меру наказания: «...Если причинит членовредительство и не помирится с потерпевшим, то пусть ему самому будет причинено то же самое...» [4, с. 249.] Весьма полно выражена была идея «талиона» в выражении «око за око, зуб за зуб». В русском праве идея талиона еще сохранялась в значительном объеме в Соборном уложении 1649 года, которое, например, за телесное повреждение предписывало отплачивать преступнику тем же: если правонарушитель отсечет руку или ногу, или нос, или ухо, или губы отрежет, то самому ему то же самое следует причинить. Таким образом, в результате появления и развития права как такового любое действие или бездействие лица стало расцениваться как такое, которое приносит пользу кому-то либо наносит вред. В связи с этим действие или бездействие стали предметом претензии одного субъекта-носителя права к другому. Но не всякая претензия является правовым притязанием, как и не всякие отношения – правоотношениями.

По мнению И. А. Ильина, «...каждое отношение людей есть правоотношение лишь постольку, поскольку оно есть встреча *правовых полномочий, запретностей и обязанностей, принадлежащих разным субъектам прав*» [5, с. 115].

Воздействие различными юридическими (правовыми) способами и методами на общественные отношения с целью приведения их в соответствие с требованиями и ценностями общества есть правовое регулирование. В связи с этим следует понимать и различать право в статике, то есть право, закрепленное в нормативно-правовых актах, и право в его динамике, то есть в процессе его реального регулятивного воздействия на общественные отношения. Нас интересует завершающая стадия правового регулирования и соблюдение принципа объективной истины о фактах, имеющих юридическое значение, в процессе, когда абстрактные нормы конкретизируются и приобретают регулятивное значение применительно к конкретному поведению конкретного лица в конкретных условиях. В своих трудах В. С. Нерсесянц наиболее полно объясняет механизм правового регулирования на двух стадиях: «Если исходная стадия правовой регуляции представляет собой движение от конкретных эмпирических объектов регуляции – через их типологизацию – к установлению искомым абстрактных норм права, то действие права осуществляется по той же юридико-логической схеме (модели), но в обратном порядке: от абстрактных норм права – через их индивидуализацию – к конкретным эмпирическим объектам. Такова диалектика единства, различения и взаимодействия исходной абстрактной формы и конечной конкретной формы правовой регуляции и вместе с тем – права в статике и права в динамике» [6, с. 477]. По мнению автора, здесь явно присутствует противоречивое отношение (тождество противоположностей) между категориями «возможность» и «действительность», принадлежащими к сфере сущностных отношений. Право, взятое только как возможность, еще лишено тех качеств, с помощью которых оно может воздействовать на общественные отношения. Лишь в движении права от возможности к действительности можно говорить о достижении результатов его истинного предназначения – правового регулирования отношений между субъектами – носителями прав и обязанностей – и реализации всеобщих законов бытия. Переход от правовой возможности к правовой действительности невозможен без деятельности людей, имеющих властные

полномочия. Естественное (природное) право является неким идеалом положительного права, то есть без человека положительное право теряет свою ценность, смысл. Прогресс человечества в правовой сфере состоит в сближении естественного права с положительным, проникновении всеобщих законов бытия, совпадающих с нормами естественного права, в законодательство. В этом процессе важную роль играет соблюдение принципа объективной истины не только на стадии правотворчества, но и на стадии правоприменения. Если этого не происходит, то есть допускаются заблуждения в самой практике, это приводит к социальной несправедливости, нарушению правопорядка, отсутствию легитимации государственной власти.

В позитивном праве в зависимости от характера правовых отношений различают такие правовые требования, как запреты и предписания. Несоблюдение запретов и неисполнение предписаний влечет за собой юридическую ответственность, разновидностью которой является уголовная ответственность. «В поведенческом плане соблюдение правовых запретов означает пассивное воздержание от совершения неправомерных действий (недеяние правонарушений) и не связано с совершением каких-либо активных действий, в том числе и правомерных. Исполнение правовых предписаний, напротив, требует от всех субъектов права соответствующих активных правомерных действий для реализации их прав и обязанностей [6, с. 482].

Заключительной стадией правового регулирования является правоприменение. Сущность правоприменения состоит в предоставлении одним субъектам прав, наложении на других – юридических обязанностей и привлечении третьих – к юридической ответственности. Как и правотворчество, правоприменение в процессе воздействия права на общественные отношения влияет на правовое регулирование. Принцип конкретности истины оказывает огромное влияние на правильное применение права. И особенно ярко это выражается в уголовном праве и уголовном производстве.

Применение норм права – сложный процесс, включающий несколько стадий. Первая стадия – установление фактических обстоятельств юридического дела, вторая – выбор и анализ правовой нормы, подлежащей применению, третья – принятие решения по юридическому делу и его документальное оформление [7, с. 398]. На практике особенно сложной для представителей правоохранительных органов – оперуполномоченных, следователей – является первая стадия применения права – установление круга фактических обстоятельств дела. В деятельности таких субъектов уголовного производства, как следователи, присутствуют познавательные элементы, гносеологическая природа функций которых очевидна. На стадии дознания, досудебного расследования происходит процесс поиска знаний о совершенном противоправном деянии, его объективных и субъективных признаках, о лице преступника, и на этом основании делаются соответствующие выводы. Немаловажную роль здесь играет субъект доказывания, понимание им норм права, умение их правильного толкования, и в целом уровень правосознания, а также личные моральные качества. Средствами установления объективной истины по делу могут быть доказательства, добытые процессуальным путем. Эти данные могут устанавливаться показаниями свидетелей, заключением эксперта, вещественным доказательствами и др.

Истина в уголовном производстве имеет четко очерченные законом рамки, субъектами познания устанавливаются или по некоторым причинам не устанавливаются, обстоятельства, которые имеют значение по конкретному уголовному производству. «Существенная особенность расследования преступления с точки зрения гносеологии состоит в том, что эта ситуация имеет конфликтный характер, который в значительной степени усложняет установление истины» [8, с. 300]. И, как следствие, эта ситуация способна привести к заблуждению по поводу тех или иных обстоятельств дела. Следует учитывать еще тот фактор, что преступник может давать умышленно неправдивые показания.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс Украины закрепляет основные принципы уголовного производства: верховенство права, презумпцию невиновности и обеспечение доказанности вины, непосредственность исследования показаний, вещей и документов и др. Также следует отметить отображение всеобщего принципа справедливости при назначении соответствующего наказания с учетом обстоятельств, смягчающих либо отягчающих его. Таким образом, уголовное производство носит характер познавательного процесса. В результате этого после должной оценки доказательств и учета позиции защиты приговор суда способен будет обладать всеми признаками вполне конкретной истины.

Однако, с точки зрения многих философов, преступность имеет трансцендентные основания, и борьба с преступностью с помощью различных правовых механизмов, описанных выше, не приносит никаких результатов. Философию не интересует ни эмпирическая личность преступника как такового, ни фактические обстоятельства совершения преступлений, а интересуют, по мнению В. А. Бачина, «причины причин». В своем труде «Философия права и преступления» в ключе данного вопроса, он ссылается на феномен антиномизма: «На полюсах антиномии оказываются взаимоисключающие объяснения, из которых ни одно нельзя считать ни абсолютно истинным, ни совершенно ложным. При этом смыслы тезисов и антитезисов не изолированы друг от друга, а взаимопересекаются, а сведенные вместе в составе ряда антиномий...» [9, с. 449].

Выводы из исследования и перспективы дальнейших разработок в этом направлении. Принимая во внимание вышеизложенное, следует сделать вывод о том, что на практике применения права можно достичь знания, которое можно квалифицировать лишь как относительную истину. Методы правового воздействия должны быть разумными, соответствовать всеобщим законам бытия, в том числе принципу справедливости. В противном случае они порождают не право, то есть обман или принуждение, что в большей степени характеризует такую социальную реальность, которая присуща тоталитарным государствам. В таком случае положительное право противопоставляется естественному. Развитие же положительного права в нужном направлении, наполнение его именно правовыми нормами, а не просто нормами закона, приближает его к идеалам естественного права.

Таким образом, роль категории «истина», несомненно, велика в правовом регулировании. Рассмотрение права не только в статике, но и в динамике позволяет сделать вывод о том, что превращение некой возможности в само право и последующий процесс его реализации в действительность невозможны без соблюдения прин-

ципа конкретности истины. Соблюдение этого принципа при сборе доказательств по делу позволяет получать объективную информацию об обстоятельствах производства, а принятое правовое решение – объективно разрешать самые сложные и спорные правоотношения. Только в таком случае регулирование общественных отношений способно обеспечить законность и правопорядок в жизни общества, что и будет подтверждать собой факт эффективности права.

Литература

1. Івакін О. А. Повернути діалектиці її істинний зміст / О. А. Івакін // Мультиверсум. Філософський альманах. – Київ, 2010. – Вип. 7 (95) – С. 3–15.
2. Лисевич В. История Адвокатуры. Памятные узелки провинциального юриста // Вестник Одесской адвокатуры. – 2011. – № 2 – С. 95–98.
3. Бачинин В. А. Философия права и преступления / В. А. Бачинин. – Х. : Фолио, 1999. – 607 с.
4. Глиняный В. П. История государства и права зарубежных стран : учебное пособие / В. П. Глиняный. – 7-е изд. – Х. : «Одиссей», 2009. – 872 с.
5. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве / И. А. Ильин. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006 – 510 с.
6. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : [учебник для вузов] / В. С. Нерсесянц. – М. : Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М), 2002 – 552 с.
7. Теория государства и права : [учебник для вузов] / под ред. профессора В. М. Корельского и проф. В. Д. Первалова. – 2-е изд., доп. – М. : Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М), 2002. – 616 с.
8. Костицький М.В. Філософія права / М. В. Костицький, Б. Ф. Чміль. – К. : Юрінком Інтер, 2000 – 336 с.
9. Бачинин В. А. Философия права и преступления / В. А. Бачинин. – Х. : Фолио, 1999. – 607 с.

Аннотация

Акрабова О. Н. Принцип конкретности истины в применении права. – Статья.
Соблюдение принципа конкретности истины в применении права способствует получению объективной информации об обстоятельствах совершенного преступления и принятию правового решения.
Ключевые слова: истина, право, правоприменение, уголовное производство.

Анотація

Акрабова О. М. Принцип конкретності істини в правозастосуванні. – Стаття.
Дотримання принципу конкретності істини в правозастосуванні сприяє отриманню об'єктивної інформації про обставини скоєного злочину та прийняття законного рішення.
Ключові слова: істина, право, правозастосування, кримінальне провадження.

Summary

Akrabova O. N. The principle of specificity of the truth in application of law. – Article.
Following the principle of specificity of the truth in application of law promotes obtaining the objective information of the circumstances of the offence and legal decision making.
Key words: truth, law, application of law, legal decision.